

Глава 1

Цзинь Хань

Гора Запустения полностью оправдывала свое мрачное название.

С приходом зимы здешние леса совсем опустели. Землю устилал ковер жухлой листвы; каждый шаг отзывался резким, сухим хрустом. Этот звук, нарушаемый лишь редкими, тоскливыми криками птиц, разносился по безлюдным склонам, навевая смутную тревогу.

Примерно на полпути через горный перевал примостился неказистый чайный навес под соломенной крышей. Возле него рос куст дикой сливы: распустившиеся алые цветы — редкое зимнее чудо — хоть как-то оживляли этот унылый край.

Хозяйничала здесь немолодая супружеская чета, державшая лавку уже больше десятка лет.

Несмотря на царившее вокруг запустение, через перевал постоянно тянулись путники. Причина крылась в том, что дорога через гору срезала добрую половину пути ко многим крупным трактам.

В этот морозный день прохожих почти не было, и под навесом, помимо самих хозяев и их дочери, сидел лишь один-единственный посетитель.

Это был поразительно красивый юноша в белоснежных одеждах и наброшенной на плечи белой лисьей шубе. От него веяло благородством и недостижимым величием — в такой глуши он выглядел чужаком, сошедшим с картины.

Впрочем, держался он непринужденно, и на его холеном лице не было и тени брезгливости.

С самого его появления юная дочь хозяев, помогавшая родителям, то и дело бросала на него робкие, украдкой, взгляды.

И когда она в очередной раз попыталась подсмотреть за гостем, тот вдруг обернулся и мягко ей улыбнулся.

Девочка мгновенно залилась краской и поспешно потупилась.

— Цуйя, там новые гости пришли, — окликнула её мать из-за занавески. — Спроси, чего они желают.

— Иду! — отозвалась Цуйя.

Она торопливо вышла из тесной кухоньки, отгороженной от зала пестрой ситцевой портьерой, и действительно увидела новых посетителей.

Тяжелый соломенный полог, защищавший лавку от сквозняков, взметнулся, и внутрь ввалилось несколько дюжих мужчин. У их предводителя через всё лицо тянулся старый рваный шрам, придававший ему свирепый вид. Спутники его тоже мало походили на добропорядочных граждан.

Сжавшись от страха, Цуйя тихо спросила:

— Желаете чего-нибудь перекусить?

Разбойники не ожидали встретить в лесной глуши такое прелестное, юное создание. Переглянувшись, они гадко осклабились.

— Чего-чего ты там лепечешь, егоза? — хохотнул Шрамолицый. — Говори погромче, дед совсем глух стал!

Девочка была простодушна, но липкие, раздевающие взгляды напугали её. Нахмурившись, она повторила свой вопрос громче.

— Всё равно не разберу, — ухмыльнулся другой бандит. — Подойди поближе, милая. Не бойся, не съедим же мы тебя.

Цуйя помялась, но всё же сделала шаг вперед. Не успела она опомниться, как Шрамолицый выбросил вперед ручищу, мертвой хваткой вцепился в её тонкое запястье и рванул к себе.

— Отпусти! — вскрикнула испуганная Цуйя, тщетно пытаясь разжать его пальцы. — Пустите меня!

Заметив неладное, Лаобань выскочил из-за занавески. Поняв, что дело дрянь, он поспешно загородил дочь собой и заискивающе заулыбался:

— Уважаемые господа, не сердчайте на глупую девчонку, она совсем еще дитя, жизни не знает! Что прикажете подать? У нас есть отличная лапша...

Но Шрамолицый уже хмелел от безнаказанности; ощущение нежной девичьей кожи под пальцами распалило его похоть. Не сводя плотоядного взгляда с испуганной Цуйи, он рывкнул:

— Пошел прочь!

Тяжелая затрещина сбила хозяина лавки с ног. Бандит снова потянулся к девочке.

Однако Лаобань, понимая, какая участь грозит его дочери, проявил неожиданную стойкость. Он мертвой хваткой вцепился в ногу Шрамолицего и закричал:

— Беги, Цуйя! Беги!

Разбойник яростно сплюнул и принялся остервенело избивать мужчину тяжелыми кулаками. Лаобань обмяк, харкая кровью, но пальцев так и не разжал.

Разбойник с силой пнул бедолагу в живот, заставив наконец отпустить ногу. Из кухни с истошным воем выбежала Лаобаньян.

— Отец! — запричитала она, бросаясь к мужу, но один из подельников Шрамолицего перехватил её на полпути и грубо прижал к себе.

— Ого, да тут целое гнездышко! — загоготал он, бесцеремонно хватая женщину за подбородок. — Старовата, конечно, но для разогрева сойдет!

— Ублюдки, уберите от нее свои лапы! — взревел избитый мужчина. Собрав последние силы, он бросился на обидчика жены.

Но куда простому крестьянину против оравы вооруженных головорезов? Его тут же повалили на земляной пол и принялись топтать ногами.

— Матушка! Отец! — закричала Цуйя.

Несмотря на хрупкий вид, у девочки оказался твердый нрав. Метнувшись на кухню, она схватила тяжелый тесак для мяса и с яростным криком бросилась на бандитов.

Увы, те были тертыми бойцами. Шрамолицый шутя перехватил её тонкое запястье. Оружие со звоном покатилося по полу, а разбойник сгреб девчонку в охапку и похотливо ощерился:

— А девка-то с огоньком! Люблю таких сучек.

Вскинув бьющуюся Цуйю на плечо, он направился к жилым каморкам в глубине лавки.

В чайной воцарился сущий ад: скотский хохот мародеров, приглушенные рыдания женщины, хрипы избиваемого хозяина и истошные крики девочки слились в единый оглушительный гул.

И вдруг сквозь этот хаос прорвался спокойный, бархатистый голос:

— А ну, прекратите.

Сказано это было негромко, но звук каким-то чудом достиг ушей каждого. Нападавшие замерли и лишь теперь сообразили, что в лавке есть кто-то еще.

Посетитель сидел к ним спиной. Лица его разглядеть не удавалось, но изысканные одежды выдавали в нем благородного господина.

Воспользовавшись заминкой, Цуйя изо всех сил вонзила зубы в плечо Шрамолицего. Вскрикнув от неожиданности, тот выпустил добычу. Девчушка кубарем покатилась по полу, но, не обращая внимания на ушибы, тут же поползла к стонущему отцу.

Шрамолицый, багровея от злости, уставился на белую спину незнакомца:

— Слышь, щегол, это ты сейчас рот разинул?

Юноша неторопливо сделал глоток из пиалы и ровным тоном произнес:

— Я весь день провел в пути и изрядно проголодался. Если вы продолжите этот шум, когда мне прикажете ужинать?

Шрамолицый не успел раскрыть рта, как один из его прихвостней шагнул вперед, обнажая клинок:

— Жрать захотел, паршивец? Ладно, сейчас папаша отправит тебя обедать прямиком к праотцам!

С этими словами он замахнулся для удара.

Раздался тихий, вкрадчивый смешок, полный искренней издевки. Никто даже не успел заметить движения незнакомца, как рука нападавшего, сжимавшая тесак, отлетела в сторону.

Отрезанная кисть вместе с оружием глухо шмякнулась на земляной пол.

Разбойник застыл в оцепенении, тупо глядя на обрубок. Спустя мгновение до него дошел весь ужас происходящего, и он, зажав брызжущую кровью культю, истошно завыл:

— Моя рука! Моя рука-а-а!

Шрамолицый мигом растерял всю спесь. Подобравшись, он хмуро спросил:

— Кто ты такой? Назовись!

— Мое имя? — юноша изящно отставил пиалу. — Слишком большая честь для такого отребья, как вы.

Он плавно повернулся к ним лицом. Его темный взгляд скользнул по незванным гостям. От этих людей разило застарелым запахом крови, а на лицах застыла волчья жестокость — обычные лесные разбойники, промышлявшие грабежами на перевале и давно потерявшие человеческий облик. На их совести наверняка висел не один десяток невинных жизней.

Юноша смерил их презрительным взглядом и вдруг мягко рассмеялся:

— Погляжу я на вас... пышите жаром, глаза горят. Похоть разум затуманила? Что ж, давайте я помогу вам охладить пыл.

Лицо его, и без того безупречно красивое, озарилось улыбкой, и в этот миг показалось, будто унылый зимний перевал озарило теплое весеннее солнце. Но от этого зрелища бандитов пробрала ледяная дрожь.

Не успели они осознать угрозу, как в воздухе сверкнул серебряный росчерк. Невидимое лезвие со свистом рассекло воздух на уровне их бедер.

С тихим шорохом лопнули пояса, и на окровавленную землю вместе с обрывками штанов покатились нечто плотское и грязное.

Хозяйка лавки охнула и испуганно закрыла ладонями глаза дочери. Сам Лаобань судорожно сжал колени, почувствовав, как пониже живота повеяло могильным холодом.

Постоялый двор огласился дикими, истошными воплями оскопленных разбойников. Ошалев от боли и унижения, они взревели и попытались было ринуться на обидчика, чтобы разорвать его на части.

Однако юноша лишь ласково сощурился, хотя от этой кроткой улыбки кровь стыла в жилах:

— Сделайте еще шаг — и с плеч полетят уже ваши бестолковые головы.

Угроза подействовала отрезвляюще. Бандиты поняли, что наткнулись на могущественного мастера, для которого они — не более чем надоедливая мошкара.

— Б-брат... надо уходить! — проскулил один из них, бледный как полотно. — Спасаем шкуру!

Ковыляя и скуля, они бросились наутек, не забыв на ходу подобрать с пола свое утраченное достоинство. Но стоило им выскочить за порог, как вслед им из чайной метнулось несколько бамбуковых палочек для еды. Свист рассекаемого воздуха — и импровизированные стрелы с глухим стуком вонзились точно в спины убегающих, пробивая сердца.

Головорезы замерли на пороге. Они медленно опустили взгляды на свои груди, из которых торчали окровавленные кончики тонкого дерева. Поверить в то, что их жизнь оборвалась так глупо и просто, было невозможно.

Один из бандитов с трудом обернулся, захлебываясь кровью. Юноша лениво опустил руку и дружелюбно кивнул:

— Разве я разрешал вам уходить?

Он держался так непринужденно, словно не лишил только что жизни пятерых мужчин, а просто смахнул пылинку с белоснежного рукава.

Хозяева лавки были простыми крестьянами. Конечно, они радовались спасению, но ледяное хладнокровие их избавителя внушало им не меньший ужас, чем давешний разгул бандитов.

Лаобань бросил затравленный взгляд на красивый профиль незнакомца и незаметно махнул рукой жене и дочери, беззвучно призывая бежать, пока целы.

Но юноша, не поворачивая головы, слегка скосил глаза. Под этим мимолетным, пронзительным взглядом крестьянское семейство так и застыло на месте, не смея шелохнуться.

Юноша вновь улыбнулся своей прежней, обезоруживающе мягкой улыбкой и ласково поинтересовался:

— Уважаемый, а как же моя лапша?

— С-сейчас... всё мигом сделаем, господин! — заикаясь, запричитал Лаобань и поспешно затолкал плачущих жену и дочь обратно в кухню.

Вскоре он на подкашивающихся ногах вынес исходящую паром глубокую пиалу и поставил ее перед гостем.

Крестьяне не поскупились: поверх щедрой порции лапши лежали два румяных яйца-пашот. Стоило ткнуть их палочкой, как наружу вытек густой янтарный желток.

Юноша, изрядно уставший за ночь и проголодавшийся после небольшой заминки, принялся за

еду. Он ел быстро, но с присущим ему аристократическим изяществом.

Покончив с обедом, Цзинь Хань похлопал себя по поясу и поморщился: собираясь в спешке, он совершенно позабыл про кошелек. Он привык жить на широкую ногу и ни в чем себе не отказывать, но опускаться до грабежа бедных крестьян не собирался — тем более лапша оказалась на редкость вкусной, и он остался доволен.

Немного подумав, он скользнул взглядом по цветущему кусту дикой сливы за порогом. Поднявшись, он сорвал алую ветку и протянул ее онемевшему от страха Лаобаню:

— Поставьте эту ветку мэйхуа у входа. Если впредь кто-то посмеет чинить вам обиды, просто назовите имя Цзинь Ханя.

Крестьяне, всю жизнь прожившие в глуши, понятия не имели, что творится в Поднебесной, и уж тем более никогда не слышали о Цзинь Хане. Они лишь растерянно переглянулись, но перечить грозному спасителю не осмелились.

Дрожащими руками Лаобань принял благоухающий трофей и послушно укрепил его над косяком. Юноша одобрительно кивнул и зашагал прочь.

У самого выхода он на мгновение задержался возле цветущего куста. Окинув критическим взглядом свои безупречно белые одежды, он задумчиво хмыкнул, сорвал еще одну веточку с алыми бутонами и небрежно заколол её в волосах у виска.

Его иссиня-черные локоны контрастировали с белоснежным мехом лисьей шубы, придавая юноше сходство с заоблачным небожителем, а яркие цветы сливы добавили его облику толику кокетливого озорства. В этот миг от его красоты захватывало дух.

Довольный результатом, Цзинь Хань слегка улыбнулся и легкой походкой скрылся в лесной чаще.